
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

У.Х. Халикова*Дагестанский государственный университет**г. Махачкала, Россия*

umkakhalikova@gmail.com

**СМЕХ И ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ АНЕКДОТА
В ПОЭМЕ В. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»****[*Uma Khalikova* Laughter and genre signs of a joke
in the poem «Moscow – Petushki» by V. Erofeyev]**

The article presents a laughter phenomenology research in works of the writer who has become a sub-culture symbol in Russia. Relevance of work is caused by plurality of polar interpretations of the poem, and impossibility of traditional (academic) approach to her many aspects as well. The following methods and types of the literary analysis were used: comparative and typological, definite and textual, structural and analytical. Scientific novelty of a research consists in identification of the dual nature of laughter in the poem by V. Erofeyev as key to understanding of the ambivalent nature of other categories of this work, and also in consideration of comical, grotesque lines of the poem which cornerstone drama layer is.

Key words: poem, laughter, joke, parody, grotesque, drama.

Поэма В. Ерофеева «Москва – Петушки» не раз переиздавалась и по-прежнему вызывает интерес у читателей и исследователей. Уникальность данного творения в том, что, будучи совершенно оригинальным, оно одновременно представляет собой типичный литературный текст второй половины XX века.

Существует множество интерпретаций, сопровождавших поэму с самого первого ее появления. С этой точки зрения, произведение Ерофеева «Москва – Петушки» всегда было интересным объектом, о котором высказано очень много противоположных мнений и по отношению к которому не всегда эффективны традиционные принципы анализа художественного текста. В работе использовались сравнительно-типологический, конкретно-текстуальный, структурно-аналитический виды литературоведческого анализа. Научная новизна – в выявлении двойственной природы смеха в поэме В. Ерофеева как

ключа к пониманию амбивалентной природы других категорий данного произведения, а также в рассмотрении анекдотических, гротескных черт поэмы, в основе которой лежит глубинный – драматический – пласт.

«Загадка поэмы в том, что всякое ее понимание убедительно и не противоречит другим. Она опровергает привычные представления об интерпретациях как вариантах некоего инварианта, потому что в ней нет (или пока невозможно найти) доминанты. Ее можно читать так и эдак, и все будет «правильно», убедительно, доказательно и не будет противоречить другим толкованиям...»[11]. Главный герой Ерофеева Веничка дает следующее определение жанру настоящего произведения: «Черт знает, в каком жанре я доеду до Петушков. От самой Москвы все были философские эссе и мемуары, все были стихотворения в прозе, как у Ивана Тургенева. Теперь начинается детективная повесть...» [6, с. 23]. То есть с самого начала автор акцентирует многоплановость своего творения, что открывает, в свою очередь, возможность для его разнообразных трактовок.

Исследуемое произведение представляет собой смешение разнородных элементов – «анекдота и притчи, пародии и библейского мифа, сказа и исповеди и т. д., что позволяет соотнести ее с низовым народно-философским жанром эпохи эллинизма – устной проповедью – диатрибой» или мениппеей, которую М. Бахтин наделял универсальным смыслом и считал одной из форм карнавализации [1, с. 59]. М. Бахтин в свое время ввел такие понятия, как народно-смеховая культура, универсальность и амбивалентность смеха. Для настоящего исследования важно и то, что он отграничил смех как форму осознания и переживания реальности от изобличающего, «в сущности, несмеющегося риторического смеха» [1, с. 62]. Этот «несмеющийся риторический смех» и составляет, на наш взгляд, суть, основную тональность поэмы Ерофеева и жизненной позиции его главного героя, находящегося далеко за пределами и традиционных норм поведения, и обывательского мироощущения.

По Бахтину, природу смеха составляет оппозиционность, даже если он не используется как орудие открытого осмеяния тех или иных явлений, социальных институтов, нравов. Именно он способен выявить относительность тех истин, которые кажутся незыблемыми и неоспоримыми. Главная мысль книги М. Бахтина в том, что смех непосредственно связан с категорией сво-

боды, что особенно актуально для художественной литературы, существовавшей в условиях тоталитарной системы (вспомним «Сандро из Чегема» Ф. Искандера, «Зона» и «Заповедник» С. Довлатова и др.).

Благодаря органической взаимообусловленности двух названных понятий произведение Ерофеева, в том числе, подрывало общепринятую официальную позицию, дискредитировало все однозначное, претендующее на абсолютность. В соответствии с основными отечественными теориями, смех у Ерофеева предстает как средство регуляции между существующим и должным [3; 8], как социальный феномен. Кроме того, сюжет поэмы Ерофеева можно расценивать как аналог карнавального сюжета, согласно «игровой теории» М. Бахтина [1]. При этом повествование исследуемой «поэмы-анекдота» реализуется как игра в не совсем подходящих для игры условиях [7, с. 58] – условиях социального дна и драматичной, постепенно утрачиваемой героем надежды на спасение.

Ерофеев мастерски использует возможности «играющего слова» [7, с. 57], благодаря чему перед читателем предстает поток вольной речи, словно рождающийся на его глазах: «Мне как феномену присущ самовозрастающий логос» [6, с. 52], – пафосно заявляет Веничка. «Логос» – это слово и одновременно его смысл, так что поэма Ерофеева творит новые смыслы, благодаря присутствию, например, собственно религиозной лексики на фоне встречающихся там же «алкогольных лексем». В итоге, реальная действительность трансформируется в парадоксальную, пародируя ее.

Если традиционно смех в литературе чаще всего знаменует «победу над страхом» [12], когда «со страшным играют и над ним смеются» [12], тем самым нейтрализуя его, то смех (хохот), в интерпретации Ерофеева, часто воплощает торжество бесчеловечных сил. Звук, который характеризует в поэме Ерофеева хаос, доминируя при его изображении, – это зловещий хохот, который не раз раздается в произведении. Это, например, хохот Сфинкса над Веничкой, который не в состоянии разрешить загадки о цели и смысле собственного существования: «Он рассмеялся, по-людоедски рассмеялся... Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха» [6, с. 110]. Затем смех Суламифи, символизирующий обманчивость и губительность любви, а также хохот Митридата как насмешка над призрачностью преходящей земной власти: «И еще захохотал, сверх всего! Потом опять ощерился, потом опять захохотал» [6, с. 119].

Писатель Н. Гоголь в свое время разграничивал смех, имеющий только субъективные основания («временную раздражительность», «желчное... расположение характера» [3, с. 37] и т. п.), от смеха, «...который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без пронизывающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугали бы так человека» [3, с. 38]. И, пожалуй, Ерофеев относится именно к тому типу писателей, которые обращаются ко второму типу смешного.

Отмечая комическое, пародийное начало в поэме Ерофеева, выявим в нем для начала жанровые черты анекдота. Поэма Ерофеева содержит в себе вставные новеллы-анекдоты – достаточно короткие по содержанию, сжатые рассказы о разных «замечательных» случаях [4, с. 47] (вспомним байки «декабриста», Митрича, «усатой дамы», самого Венички и др.), а также обладает некоторыми анекдотическими чертами с той лишь разницей, что здесь сквозь комическое, сквозь гротескную притчу... явственно проступает второй – глубокий – драматический пласт.

Героем анекдота становится, как правило, личность оригинальная, «со странностями» [9, с. 38]: у Ерофеева это чудной не только из-за алкоголизма, но и из-за необычных для пьяницы эрудиции, утонченности и душевности Веничка, не говоря уже о других странных персонажах поэмы («декабрист», возлюбленная с бельмами на глазах, председатель колхоза с неуместно романтическим именем Лонгрин и др.). Анекдот «способен развиваться из любого фольклорного/литературного жанра или, наоборот, трансформироваться в любой художественный жанр, в котором существенным элементом комического является игра слов или игра положений» [12]. Иными словами, анекдот достаточно гибок, чтоб преобразоваться в любую жанровую форму, оставаясь при этом самим собой. Это и произошло с произведением исследуемого автора: его «Москва – Петушки» является поэмой, обрамленной элементами анекдота и многих других жанров.

Жанровую особенность анекдота обычно сводят к неожиданной концовке повествования. То же наблюдается и у Ерофеева, структурные признаки произведения которого, представляющие собой его жанровое ядро, специфически связаны с его композиционной кульминацией: необычная поездка Венички, богатая анекдотическими чертами, встречами, ситуациями, закончилась неожиданным открытием героя, что он, как оказалось, кружил на одном и том же месте и ни на шаг не приблизился к желанным Петушкам.

Героем анекдота, как мы упоминали, является личность нестандартная, специфичная. В поступках и речи главного героя Ерофеева отчетливо выступают признаки игры или юродства. Такой феномен, как юродство, вполне соответствует духу русской национальной традиции. Ерофеев изображает мытарства и скитания одинокой души героя, и вкладывает в его уста – уста почти безумца, горького пропойцы – слова правды. Социальное убожество героя – это «отправная точка: отречение от мира как условие в проникновение в суть вещей» [2], а опьянение – способ освобождения, отстранения. Отсюда чудесная прозорливость данного персонажа, чье рациональное мышление затуманено алкоголем, в то время как мышление первобытное, интуитивное, обострено до предела, словно по принципу компенсации. Вместе с тем вокруг Венички начисто отсутствует ореол таинственности; более того, он старается комментировать свои поступки, разъяснять мотивы.

В то же время «любой юродивый производит только те действия, которые всегда изначально непонятны большинству окружающих» [10]. Если ситуации, в которых Веничка оказывается, и его монологи и носят порой туманный характер, то проистекает это не из желания автора мистифицировать фигуру своего героя, а, скорее, с целью изобразить его нелогичное, противоречивое мышление и существование.

Мотив юродства и эстетика абсурда воплощается в поэме Ерофеева благодаря мотиву пьянства. На грани абсурда было само появление поэмы в России – в годы горбачевской антиалкогольной кампании. Водка – суть ерофеевского творчества. Алкоголь – не только ведущий мотив, но и стержень сюжета данного произведения. Герой Ерофеева проходит все ступени опьянения – «от первого глотка до мучительного отсутствия последнего, от похмельного возрождения до трезвой смерти» [2]. В соответствии с этим строится и композиция произведения, где от главы к главы, по мере мнимого приближения к Петушкам, усиливаются элементы бреда и фантастики.

Традиционно в русской литературе (например, в цикле А. Блока «Родина» и в книге А. Белого «Пепел») образ нищенствующей России изображался всегда в сопровождении мотива вина, и образ этого пьянства носил далеко не эстетско-декадентский характер, «облагороженный» метафизическими причинами и смыслами. Суть его предельно приземленная, бытовая: это пьян-

ство самого низкого пошиба – в гнетущей атмосфере кабаков и дешевых трактиров под сопровождение отнюдь не искрометного шампанского.

Подобные места в повествовании у Ерофеева наводнены, например, представителями социального низа – люмпенами, маргиналами разного рода, безумцами, алкоголиками. С образом кабака и других питейных заведений в стихах связаны мотивы болезни, безумия; в таком подходе к мотиву пьянства Ерофеев близок традициям символистов. В своей пьесе «Вальпургиева ночь» [5] Ерофеев создал схожих персонажей – обитателей сумасшедшего дома, которые обладают истинными знаниями о мире, в отличие от «разумных» людей, живущих иллюзиями относительно своей мирской власти и способности контролировать происходящее.

Как известно, «истина в вине», и Веничка собственным примером демонстрирует «волшебную» силу «вино-лако-водочных» изделий, срывающих завесу с того, что недоступно рациональному (трезвому) взгляду. Интересно, что именно пьет герой Ерофеева, почему и сколько он потребляет спиртного. На первый взгляд, мотив вина может входить в один семантический ряд с такими понятиями, как пьянство, болезнь, бытовая и нравственная нестабильность и неустроенность. В таком случае мотив вина имеет резко негативную окраску. Но это только внешняя оболочка: есть и другая сторона опьянения – мировоззренческая, религиозная: «Москва – Петушки» – глубоко религиозная книга... У самого Венички... было ощущение, что благополучная, обыденная жизнь – это подмена настоящей жизни. Он разрушал ее, и его разрушительство отчасти имело религиозный оттенок» [2].

Парадоксально, но глубокая религиозность Ерофеева выражалась через водку: «В своем роде возвышающей страстью был Бенин алкоголь. Чувствовалось, что этот образ жизни – не тривиальное пьянство, а какая-то служба...» [2]. Понимая это, несложно читать между строк в его фразе из «Записных книжек»: «...Все равно пригвожденность, ко кресту ли, к трактирной стойке» [2].

Персонажи Ерофеева пируют в поезде, который «летит под откос» [6, с. 89]; у каждого из них своя драма и боль. Все они ищут спасения/утешения в вине, подсознательно понимая невозможность достичь пределов желанных Петушков – земного рая. Опьянение дает возможность не так остро ощущать крайности горестного человеческого бытия, не впадать в такую степень отчаяния, которая возникает в состоянии трезвости. Не случайно Ве-

ничка признается: «...Когда хмель уходит из сердца, являются страхи и шаткость сознания» [6, с. 31]. В таком случае мотив вина обретает значение, которое объединяет его с такими понятиями, как богатство и полнота жизненных впечатлений, даже счастье, то есть обязательный атрибут существования, богатого эмоциями и впечатлениями.

Ерофеев констатирует болезненное, патологическое состояние человека и общества, и с каждым глотком выпивки, когда сознание расшатывается, становится аморфным и беспорядочным, Веничке все легче постигать происходящее в состоянии, аналогичном его абсурдности. В результате, он обретает четкое предчувствие будущего крушения мира, наподобие шекспировского Гамлета: «Что-то неладное в мире. Какая-то гниль во всем королевстве и у всех мозги набекрень» [6, с. 116].

Ерофеев изображает причины вечного конфликта между человеком и миром – конфликта между личным, эгоистическим и целесообразным, насущным. В поэме это воплощается благодаря оправданию пьянства как собственной позиции пассивного протеста: «Ну, раз желанно, Веничка, так и пей» [6, с. 25]. Молчание Господа в ответ на это сомнительное умозаключение герой трактует в свою пользу – в пользу желаемого: «...Тихо подумал я, но все медлил. Скажет мне Господь еще что-нибудь или не скажет? Господь молчал. Ну, хорошо. Я взял четвертинку и вышел в тамбур» [6, с. 26].

Практически не просыхая от алкоголя, Веничка не только не утрачивает способности прозревать метафизические тайны, но, напротив, даже преуспевает в этом, придавая традиции питья почти сакральный оттенок (вспомним хотя бы древних жрецов, которые пророчествовали в состоянии экстаза или транса, достигая этого при помощи особых напитков, в том числе). Как видим, Ерофеев – «великий исследователь метафизики пьянства. Алкоголь для него – концентрат инобытия» [2].

Таким образом, поэма В. Ерофеева «Москва – Петушки» демонстрирует трансформацию реальной действительности в парадоксальную посредством пародии, смехового начала. Смех, в интерпретации Ерофеева, имеет неоднозначное наполнение: он символизирует и торжество бесчеловечных сил, и является средством регуляции между существующим и должным. Подобная двойственность обусловила и противоречивую природу самой поэмы, которая, обладая некоторыми анекдотическими, гротескными чертами, одновре-

менно позволяет разглядеть в себе и более глубинный – драматический – пласт. Следуя этой диалектике, Ерофеев воплощает в своей поэме мотив юродства и эстетику абсурда с помощью мотива пьянства, который, в свою очередь, включает в себя понятия болезни, бытовой и нравственной нестабильности и неустроенности как внешней оболочки истинной сути опьянения – мировоззренческой, религиозной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин* М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
2. *Генис Александр*. Благая весть. Венедикт Ерофеев. [Электронный ресурс]. URL: <http://kirovsk.narod.ru/culture/ludi/erofeev/articles/genis.htm> (дата обращения: 14.11.2016).
3. *Гоголь* Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6.
4. *Даль* В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. Т.1.
5. *Ерофеев* Венедикт. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора. М., 2004.
6. *Ерофеев* Венедикт. Москва–Петушки. СПб., 2016.
7. *Пельтцер* А. П. Происхождение анекдотов // Сборник Харьковского ист.-фил. о-ва. Т.11. Харьков, 1899.
8. *Пропи* В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999.
9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Ч.1. М., 1935.
10. *Тюпа* В.Ю. Анализ одного произведения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/yazyikoznanie/282983/str15.htm 10 (дата обращения: 14.11.2016).
11. *Фоменко* И.В. О феномене «Москвы–Петушков»: Вместо предисловия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telenir.net/> (дата обращения: 15.12.2016).
12. [Электронный ресурс]. URL: <http://aesthetica.narod.ru/anekdotos.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

REFERENCES

1. *Bakhtin M.M.* Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renes-sans. M., 1965.
2. *Genis Alexander.* Good news. Venedikt Erofeev. [Electronic resource].URL: <http://kirovsk.narod.ru/culture/ludi/erofeev/articles/genis.htm> (date of circulation: 14.11.2016).
3. *Gogol N. V.* Collected Works. In 9 vols. Vol. 6. M., 1994.
4. *Dal V.I.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol.1. M., 1863.
5. *Erofeev Venedikt.* Walpurgis Night, or the Steps of the Commander. M., 2004.
6. *Erofeev Venedikt.* Moscow-Petushki. SPb., 2016.
7. *Peltzer A.P.* The origin of anecdotes // Collection of Kharkov university. Vol.11. Kharkov, 1899.
8. *Propp V. Ya.* The problems of comic and laughter. M., 1999.
9. Dictionary of the Russian language / Ed. D.N. Ushakova. Part 1. M., 1935.
10. *Tyup V.Yu.* Analysis of a single work. [Electronic Resource]. URL: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/yazyikoznanie/282983/str15.htm 10 (reference date: 14.11.2016).
11. *Fomenko I.V.* On the phenomenon of "Moscow-Petushki": Instead of the preface [Electronic resource] .URL: <http://www.telenir.net/> (date of appeal: 15.12.2016).
12. [Electronic resource]. URL: <http://aesthetica.narod.ru/anekdotos.htm> (date of circulation: 15.12.2016).

---

23 июня 2017